

18+

Алексей Курный

Где поэзия звучит распутым

Алексей Викторович Ручий

Где розы дикие растут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70521652

ISBN 9785006268012

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Когда твоя жизнь зашла в тупик, единственным верным решением видится побег. Затворничество и одиночество-терапия. Но что делать, если даже тут всё внезапно летит под откос? В твой дом приходят люди, которых ты не звал. Начинают происходить события, которых ты не планировал. В твое рациональное существование вторгаются любовь и магия. А главное – там, в ужасном внешнем мире, от которого ты так хотел отгородиться, зреет война...

Содержание

1	5
2	15
3	25
4	32
5	40
6	48
7	63
8	75
9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Где розы дикие растут

Алексей Викторович Ручий

Иллюстратор Клавдия Шильденко

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

Корректор Ольга Рыбина

© Алексей Викторович Ручий, 2024

© Клавдия Шильденко, иллюстрации, 2024

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-6801-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Из всех знакомых мне странных людей самым странным всегда был я.

Вот этот дом. Дом, в котором я буду жить. Я искал его почти две недели, шатаясь по городу.

Не так-то просто найти пустующее здание, пригодное для жилья. К тому же большинство городских заброшек, хоть малость соответствующих моим самым скромным представлениям о жилище, уже заняты какими-нибудь бродягами или сквоттерами. А мне соседи не нужны. Я хочу жить один.

И всё же мне удалось обнаружить подходящий особняк на окраине, почти целиком занятой промышленными постройками и рядами покрытых ржавчиной и вязью граффити гаражей. Окна и двери дома заколочены, никаких признаков жизни внутри. Людей поблизости я тоже не заметил. Однако к зданию тянулись провода, что давало определённую надежду на наличие электричества в нём.

Поздним вечером, вооружившись монтировкой и фонариком, я проник внутрь и осторожно осмотрел все доступные углы. Особняк был совершенно необитаем. Никого. Только я и моя тень. То что надо. Я выломал дверь одной из квартир. Пусто. Лишь старая рухлядь, покрытая толстым слоем пыли и паутиной. Заколоченные окна выходят в поле,

пересечённое линией электропередачи. Я огляделся.

Здесь было три изолированных комнаты, длинный коридор, кухня и небольшой санузел. Обои на стенах выцвели и набухли, а кое-где и вовсе отклеились, свисая серыми неопрятными лохмотьями. В кухонной раковине сплёл сеть крупный паук.

Всюду прах и упадок. Ничего страшного. Ведь теперь здесь есть я.

В углу гостиной обнаружился древний диван: обивка пропахла плесенью, пара пружин вылезла из-под обшивки, но в остальном он показался мне сносным. Теперь это моя обитель.

В первый же день своего вторжения я поменял замок на входной двери. Потом сделал уборку во всех комнатах, а также привёл в порядок санузел. Потратил на это целый день. Мусор выносил в сумерках, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Упал спать на диван, даже не поужинав. Сил просто не было.

На следующий день я смотался в магазин электротоваров и купил всё необходимое для того, чтобы провести свет. Вернувшись в дом, довольно долго провозился, ковыряясь в электрическом щитке.

Электрик из меня, надо сказать, весьма посредственный. К тому же я совсем не был уверен, что заброшенное здание, несмотря на наличие проводки, вообще подключено к элек-

тросети. Но мне повезло. Сорокаваттная лампочка, вкрученная в патрон, свисающий с потолка в комнате с диваном, неуверенно мигнув пару раз, загорелась.

Я поставил новые розетки на кухне. Купил электроплитку и электрический чайник. Светом решил пользоваться только после девяти часов вечера, когда на улице и в доме становилось совсем темно, – в целях конспирации. Мне никого тут не было нужно. Я должен был жить здесь один.

С водой дело обстояло гораздо хуже: рабочего водопровода в доме не было. Пораскинув мозгами, я пришёл к выводу, что буду покупать питьевую воду в пятилитровых канистрах в магазине, а для мытья – приносить из речки, протекавшей неподалёку. Для этого пришлось купить ещё ведро и большой таз. Но деньги у меня пока что водились.

Я заклеил дыры в обшивке дивана, и спать на нём стало более-менее удобно. С помощью молотка и гвоздей из найденных тут же досок я соорудил нечто вроде этажерки для книг. А после записался в библиотеку неподалёку. Теперь по вечерам я мог читать.

Обследовав остальные помещения заброшенного дома (такие же ветхие и заросшие паутиной, как и моя квартира каких-то два дня назад), я обнаружил дохлую кошку. Судя по тому, что разложение ещё не тронуло её труп, испустила дух она совсем недавно. Я решил, что в моих интересах предать её земле как можно скорее. К чему немедленно и при-

ступил.

Найденным в одном из коридоров куском шифера я кое-как расковырял землю во дворе. Конечно, на роль лопаты шифер практически не годился, однако мне удалось сделать ямку в полметра глубиной. Затем я завернул труп кошки в найденные в доме тряпки и перенёс к импровизированной могиле.

Немного молча постоял над трупом, соблюдая траурный церемониал. В бога я никогда не веровал, поэтому погребальной молитвы прочесть не смог. Да и откуда мне было знать, каким богам поклоняются кошки при жизни. Практически наверняка не тем же, что люди.

Затем я опустил труп в могилу и закидал землёй, оставив небольшой холмик на поверхности. Вместо надгробия воткнул в изголовье могилы кусок шифера, служивший мне до этого лопатой. Кошка могла спать спокойно в своём новом приюте.

Вместе с кошкой я хоронил и свою старую жизнь – полную неудач и падений, ту жизнь, что в итоге и привела меня сюда. Надеюсь, на новом месте мне удастся начать всё заново.

Вскоре я исследовал и близлежащий район. Здесь действительно было немногочисленно, в основном навстречу попадались завзятые собачники и автомобилисты, шедшие из гаражей.

Недалеко проходила железная дорога, днём я слышал, как

по ней свистят электрички, а ночью, гремя и давая протяжные гудки, волочатся товарные составы.

Был ещё какой-то небольшой заводик, огороженный серым бетонным забором. Поверх забора бурыми завитками бежала колючая проволока. Изредка через большие ржавые ворота въезжали и выезжали автомобили.

Вот и всё, что тут можно было повстречать, – лучшего места для тихой уединённой жизни в большом городе, как мне кажется, не найти.

Я сходил в супермаркет и купил еды, примерно на неделю: пять банок готового супа, семь упаковок лапши быстрого приготовления, три буханки чёрного хлеба и две белого, две банки тушёнки и две банки консервированных сардин, а также большую упаковку чая. Всё это можно было хранить без холодильника.

Ещё я купил упаковку туалетной бумаги, ёршик для чистки унитаза и антибактериальное моющее средство. Кроме того, зубную щётку, мыло и зубную пасту. Станок для бритья. И ещё книгу о космосе. Возможно, я что-то забыл.

Теперь я мог запереться в своём жилище и спокойно насладиться одиночеством. Мне это было просто необходимо. Кажется, я понимал данный факт гораздо лучше моего бывшего психолога. Ведь он ничего не смыслил в одиночество-терапии. Что, впрочем, и не удивительно: ведь одиночество-терапию придумал я сам.

Я лежал и читал. Целыми днями. Лишь изредка преры-

вался и подолгу думал. Мне нужно было многое обмозговать и осмыслить. Очень многое. И до конца разобраться в себе. С этой целью я и был здесь.

И ещё я завёл дневник. Чтобы кто-то (возможно, я сам) потом мог прочесть о моём пути. Понять, с чего я начал и к чему в итоге пришёл.

Думаю, теперь вам можно рассказать о том, кто я. Какой из себя. Вам ведь интересно, не правда ли?

Так вот: мне тридцать один год, я среднего телосложения, у меня чёрные выющиеся волосы и карие глаза. Ни бороды, ни усов. Пожалуй, я отношусь к тому типу людей, которые не очень-то заметны в толпе. И меня это устраивает. Не люблю выделяться. Я просто хочу быть самим собой.

Не скажу, чтобы я многого добился к своим годам, но уж, во всяком случае, никогда не был и в числе отстающих. Отучился в школе, окончил университет, пристроился в офис на непыльную работу. Стандартный середняк, жизнь которого обычно идёт по накатанным рельсам. По крайней мере, мне всегда так казалось.

Но недавно всё пошло наперекосяк. Как будто кто-то щёлкнул пальцами – и мой привычный мир, повинувшись этому внезапному волшебному щелчку (чёрная магия, не иначе), полетел в тартарары, рухнул, подобно карточному домику, снесённому со стола неосторожной рукой. Мне вдруг надое-

ло жить так, как я жил. Просто надоело – и всё.

На работе я слыл исполнительным и ответственным работником, кажется, мой босс даже меня уважал. У меня были перспективы, и я, наверное, вполне мог добиться определённых успехов, если бы оказался чуть настойчивее. Твёрдость – вот чего мне не хватало. И люди пользовались этим.

Моя бывшая девушка, с которой мы расстались два с половиной месяца назад, так мне и сказала: я слишком мягок, я словно гусеница или слизняк, или что-то ещё вроде того. Вечно витаю в облаках, не чувствуя земли под ногами. А на земле нужно ежесекундно чего-то добиваться, за что-то бороться, постоянно брать своё. Иначе ты на обочине. Ей был нужен другой. Более крутой – я бы так сказал.

Я пошёл на курсы психоанализа, но, как мне кажется, там просто вытягивали деньги из таких, как я. Из законченных неудачников, если использовать терминологию моей бывшей.

Единственное, чему пытался научить меня мой психоаналитик, – так это подавлять злость и агрессию (как будто эти злость и агрессия хлестали из меня безудержным фонтаном – ага, как же! – скорее наоборот). Ну, знаете, типа считаешь про себя до десяти и тому подобное. Попытка достижения равновесия...

Правда, я этот метод переделал и считал от десяти до одного, что-то вроде обратного отсчёта. Как будто вот-вот должен раздаться взрыв. Но именно на единице взрыва не случа-

лось. Наверное, опять же всё дело было в природной нехватке твёрдости.

Тогда-то я и решил круто изменить свою жизнь. Начать с чистого листа. Чтобы всё как в первый раз и никаких былых заморочек.

Я уволился с работы, получив выходное пособие, снял с банковского счёта все свои накопления и уехал из того города, где жил. Чтобы приехать в этот. Я решил, что твёрдости нужно учиться в незнакомом месте.

Теперь вот я здесь. И не скажу, что плохо устроился. Деньги у меня пока что есть, я думаю, месяца на три скромной жизни мне хватит. А там уж чему-нибудь я научусь. Я изменю свою жизнь, уж поверьте!

Ну а чтобы вы до конца поняли, о чём я, вот вам несколько примеров из моего недавнего прошлого.

Как-то весной мы гуляли с девушкой в парке. Снег уже сошёл, дорожки подсохли, на газонах местами пробивалась свежая трава, и тёплый сырой воздух пах приторно и сладко. Стоял погожий солнечный день, парк был заполнен людьми. Визжали дети, играла музыка... Мы с девушкой бродили по дорожкам, ели мороженое. Она кормила уток на пруду.

Когда мы прогуливались по одной из парковых аллей, навстречу нам попался пьяный бугай со стаканом пива в руке. Проходя мимо, он задел меня плечом, я уверен – специально, и пиво из его стакана брызнуло прямо мне на ветровку.

Ветровка была светло-бежевого цвета, и на ней расплылось огромное некрасивое и вонючее пятно.

Я смерил того мужика презрительным взглядом, но так ничего и не сказал. И дело было даже не в том, что мы находились в разных весовых категориях. Просто в его глазах читалось явное превосходство. Мне стало не по себе, словно я попал на чужую планету и мне нужно вступать в контакт с аборигенами, а я банально не знаю их языка. Я промолчал. Снова не проявил должной твёрдости. Бугай растаял в этом проклятом весеннем дне с его солнцем и приторными запахами. Не знаю, что тогда подумала моя девушка.

Или же на работе: мой коллега попросил подменить его на пару дней, а сам пропал почти на неделю. Уехал в отпуск, как я потом узнал. А я пахал как раб за двоих. Потом он вернулся как ни в чём не бывало и похлопал меня по плечу: типа молодец, выручил. Утряс всё с начальством и продолжил работать, словно ничего и не произошло.

Было обидно. К тому же я не получил за это никакой компенсации. Вот так. Такому, как я, как говорится, можно сесть на шею и свесить ноги...

Но уже через три месяца вы увидите совершенно другого парня, уверяю вас. Я даже сделал турник у себя в комнате, закрепив между стенами большую металлическую трубу, найденную возле завода. Теперь я подтягиваюсь по десять раз в день (с перерывами, само собой). Ещё отжимаюсь и де-

лаю упражнения, укрепляющие мышцы живота.

Я уже чувствую, что стал немного крепче. Жаль, у меня нет зеркала, я бы посмотрел, чтобы быть до конца уверенным.

В общем, время идёт, и я начал меняться. Книга о космосе оказалась интересной, и в следующий раз я возьму почитать что-нибудь в том же роде.

Ночью сквозь щели между досок, которыми забиты окна, сочится луна, и я смотрю на её блеклый свет. Он серебристый и немного холодный. Не знаю, как там луна, но иногда мне кажется, что мы в равном положении. Оба одиноки.

И светим чужим отражённым светом.

2

Оставьте меня в покое! Неужели вам мало самих себя?..

Я живу в доме уже две недели, когда появляются Они. Непрошенные гости. Люди, которых я сюда не звал. Это просто не входило в мою программу одиночество-терапии.

Кто они – я пока толком не знаю. Но их здесь не должно было быть. Уж точно.

Почти полмесяца я жил, наслаждаясь одиночеством. По утрам делал пробежки и подтягивался на турнике, потом завтракал и читал, много читал. В библиотеке взял ещё несколько книг о космосе и Вселенной, весьма подробно изучил теорию Большого Взрыва и стал отличать белые карлики от чёрных дыр.

Моя квартира за это время приобрела совершенно обжитой вид. Я подклеил отслоившиеся обои и украсил стены комнат вырезками из журналов, обнаружившихся в соседней квартире. Покрасил оконные рамы и заменил несколько разбитых стёкол. В общем, сделал всё, чтобы чувствовать себя в своём жилище максимально уютно.

Раз в несколько дней я выбирался в супермаркет и покупал еду, которую готовил на собственноручно обустроенной

кухне. По вечерам, когда окончательно темнело и читать под моей тусклой лампочкой становилось невозможно, я смотрел на луну и слушал, как грохочут товарные составы по железной дороге.

Я был вполне счастлив в своём отшельничестве, как может быть счастлив человек, наконец получивший то, о чём он долго мечтал.

И тут они...

Нет, они пришли не все сразу. Сначала появилась женщина.

Она возникла как бы ниоткуда, материализовалась, словно призрак, который никак не может найти себе пристанище. Внезапно нарисовалась на пороге моей квартиры, когда я валялся на диване и читал главу о нейтронных звёздах и пульсарах (входную дверь я, к несчастью, забыл запереть). Уставилась на меня. А я – на неё.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Без удивления, как старые друзья. Это было довольно необычно.

А затем она вошла. Молча, без спроса. Вошла и распространила всю себя вокруг – я это почувствовал. Так, словно она уже была здесь до этого. Словно мы жили бок о бок много-много лет.

Она поздоровалась со мной. Так, словно делала это уже тысячи раз. Прошествовала мимо дивана и сложила свои вещи в углу. Как будто там и было их место.

Вещей, к слову, при ней было немного. Туристская сумка и большой целлофановый пакет, из которого торчал край тёмно-синей материи. Я сразу понял, что это конец. Конец моему одиночеству. Но что я мог поделать?

Единственное, на что я нашёл в себе силы, так это объявить ей, что данное помещение уже занято мной и в соседях я не нуждаюсь. Поэтому ей придётся занять другую комнату (я мог бы сказать – другую квартиру, но памятуя о том, в каком состоянии другие квартиры и сколько времени надо на то, чтобы привести их в божеский вид, не решился этого сделать, а зря). Она только пожала плечами. На губах её играла лёгкая усмешка.

Я отнёс вещи незваной гостьи в дальнюю комнату возле кухни. В пакете, кажется, был спальный мешок и осенние ботинки. Что скрывала сумка – я не знаю и сейчас. Честно говоря, меня это мало интересует.

Другое дело – то, что эта женщина всё ещё здесь. Её зовут Ольга. Она высокая, с длинными русыми волосами, у неё серо-голубые глаза, аккуратный нос, узкие губы, небольшая грудь и стройные ноги. Судя по всему, ей немного за тридцать. Ольгу можно назвать красивой, но её лицо выглядит как лицо очень усталого человека. Возможно, ей через многое пришлось пройти.

Как и зачем она здесь оказалась, я не знаю – она не стала пояснять. А я не стал спрашивать. В целлофановом пакете

действительно оказался спальный мешок. Ольга расстелила его в углу отведённой ей комнаты и спит в нём. По утрам она исчезает из дома и появляется только вечером. Мы почти не общаемся.

Я смирился с её присутствием. То есть опять не проявил должной твёрдости.

Мы живём вместе с Ольгой около недели – дней, может, пять или шесть, когда приходят ещё двое. Так же, как и она, без приглашения. Словно здесь мёдом намазано.

Мужчина, немолодой, лет за сорок, и девчонка – ей бы я дал не больше шестнадцати. Они вместе. Но он ей не отец, это сразу видно. Я догадываюсь (а чуть позже и узнаю наверняка), что они – любовники.

Эти двое появляются под вечер, когда я пытаюсь приладить небольшую вещевую полку в комнате Ольги (это первая её просьба за всё время). Ольга в это время на кухне готовит ужин. Так уж вышло, что теперь еду готовит она. Для нас двоих. Хотя я её об этом и не просил.

Они приходят и долго колотят в дверь снизу. Я не хочу спускаться к ним, но Ольга настаивает на том, что пришельцев нужно впустить в дом. Я отступаю. Спускаюсь и поворачиваю ключ в замке.

Тихо скрипит дверь на старых петлях. Незваные гости просачиваются в дом безмолвно, но уверенно, словно их тут уже давно ждут. И, конечно, я знаю, зачем они пришли. Что-

бы здесь жить.

Мужчина подчёркнуто вежливо здоровается и просит меня на минутку. Мы выходим на крыльцо, девчонка остаётся в доме. Мне всё это не нравится, но я опять поступаю как всегда: плыву по течению.

Я смотрю на чужака. Он высок и смугл, в тёмных волосах местами серебрится седина. Под чёрными пронзительными глазами в складках ранних морщин залегла тень. Кажется, жизнь его изрядно потрепала.

Он говорит мне, что они должны жить в этом доме, потому что больше им некуда пойти. Его зовут Рустам, а девчонку – Кристина. Она убежала из дома вместе с ним. Им нужно укрыться. Такие дела.

Я говорю, что это неправильно. Его спутница должна быть дома, с родителями, ведь она ещё почти ребёнок... в конце концов, её должны искать, и уже ищут, скорее всего... Мне не нужны неприятности с полицией.

Но незванный гость невозмутимо продолжает убеждать меня, он говорит, что они влюблены и не могут жить друг без друга. А искать Кристину никто не будет. Она из неблагополучной семьи. Вот такой расклад. Что же мне делать?

Я пускаю их. Ещё одно проявление малодушия.

Теперь мы живём вчетвером. Как в той старой сказке про Терем-теремок.

Мы с Ольгой спим в одной комнате, в спальных мешках

(да, я купил себе спальный мешок, потому что свою комнату и находящийся в ней диван уступил Рустаму и Кристине), они – в другой. Третья комната пока пустует, но я уже уверен, что это ненадолго. Потому и не стал её занимать.

Мне всё это не нравится. Внезапное нашествие соседей, полетевшая ко всем чертям программа одиночество-терапии, а особенно то, что Кристина – несовершеннолетняя, но, как ни странно, я быстро к этому привыкаю. Словно они все были здесь всегда, ещё до меня, как диван, например, или пыль с паутиной по углам.

Я покупаю продукты, Ольга готовит. На четверых. Рустам почти не бывает дома. Он возвращается за полночь. Даёт мне деньги. Это по-честному. Они ведь делят стол с нами.

Кристина все дни напролёт сидит дома. Она мало разговаривает и вообще почти не выходит из своей комнаты. Поэтому, она боится, что мы сдадим её родителям. Не знаю, что она там делает, но иногда я слышу её смех. Смех ребёнка.

Так проходит полторы недели, то есть чуть больше месяца с того момента, как я здесь поселился, когда появляется ещё один. Последний.

Я замечаю его издалека, когда он идёт по дорожке к дому. Слежу за ним в окно, зная, что пришелец не передумает, не повернёт, и никуда, в общем, теперь не денется.

Незнакомец подходит к дому, осматривается, принимает, словно животное, что-то шепчет себе под нос, затем от-

воряет дверь и бесцеремонно проходит внутрь. Идёт по коридору, насвистывая какую-то песенку. Наконец останавливается возле двери в нашу квартиру и толкает дверь. Так, словно именно сюда он и держал свой путь.

Мы выходим встречать его (дома я, Ольга и Кристина).

Гость заходит, бросает свой рюкзак прямо посреди прихожей. Рюкзак старый, поношенный, местами затёртый до дыр.

Увидев нас, он улыбается и говорит: «Привет! Я – Носорог».

Вот так. Мы молча киваем, словно только и ждали его прихода. Нас даже не удивляет его странное имя. Смотрим, что будет дальше.

Этот Носорог оглядывается, затем сообщает нам: «Пожи-ву тут недолго. У вас, кажется, есть место». И всё. Как будто на доме висит рекламный баннер: «Вам негде жить? Только у нас в наличии свободные комнаты! Не проходите мимо!»

Я пожимаю плечами. Я не отказал трём предыдущим, чем хуже этот? В общем, ничем.

Только зовут его странно. Поначалу мне кажется, что это какая-то дурацкая шутка, но, похоже, Носорог – действительно его имя. Ненастоящее, конечно, но имя. Пусть живёт, раз одиночество-терапии всё равно пришёл каюк.

У нового жильца длинные невымытые волосы, карие глаза, крупный нос и вздёрнутый подбородок. Он одет в грязную тишотку и джинсовую безрукавку. На ногах рваные джинсы и сандалии. Выглядит как хиппи. Позже я выясняю, что Но-

сорог и есть хиппи. Он занимает третью, пустовавшую до его появления, комнату. Пазл собран.

Носорог очень странный. Лет на десять младше меня. Похож на отчисленного студента. Или на юного бродягу.

Он берёт у меня инструменты и вбивает в стены в углу своей комнаты гвозди. Потом достаёт из рюкзака гамак и вешает его на них. Теперь это его место. Ещё один кусок пространства, отнятый у меня. Я уже не сопротивляюсь даже внутренне. Я просто смотрю, что из всего этого выйдет.

Великолепная пятёрка в заброшенном доме. Всемирный съезд неудачников и беглецов. Вселенская конференция скрывающихся от мира людей.

Если каждый из нас ежедневно чем-то занят, даже Кристина, которая играет в какие-то свои игры у себя в комнате, то Носорог не делает абсолютно ничего. Он просто днями напролёт лежит в своём гамаке – и всё. Почти не ест. Не может. Меня называет «папашей». Общается только со мной и с Ольгой. Рустама с Кристиной для него как будто не существует. Он вычеркнул их из списка своих соседей.

Иногда Носорог загадочно улыбается и что-то шепчет себе под нос. Его невнятное бормотание напоминает какие-то заклинания и, если честно, немного напрягает.

Я мастерю мебель из найденных в доме досок и читаю

свои книги о космосе. Космос огромен, и никто не знает, где находятся его пределы. Он ошеломляет и восхищает меня своими масштабами. Я понимаю, что все мы – просто песчинки в огромном чёрном океане, усеянном планетами и звёздами.

Однажды Носорог заходит ко мне в комнату и, приблизившись, заглядывает в книгу. «Что читаешь, папаша?» – спрашивает он. Я показываю ему обложку.

«Хм, – бормочет он. – И что пишут?»

Я отвечаю, что очень интересные и познавательные вещи. Носорог хмурит лоб, словно думает над какой-то очень сложной математической задачей, потом внезапно расплывается в улыбке и говорит: «Космос – источник магической энергии». И снова возвращается в свой гамак. Он чем-то очень доволен.

Одним словом, странный тип. Хотя и другие соседи не лучше. Они ничего не рассказывают о себе, правда, я их и не спрашиваю. Мне тоже не задают вопросов.

Если б я не знал, как дело обстоит на самом деле, то подумал бы, что эти пришельцы похожи на людей, которые оказались здесь против своей воли и которым приходится сосуществовать друг с другом (и со мной в том числе) только потому, что других вариантов у них просто нет. Очень интересное положение...

Но ведь в этом доме полно пустующих квартир. Да и дом

этот – далеко не единственный в городе...

А Носорог вешает над своим гамаком какие-то непонятные амулеты или что-то вроде того: пучки соломы и сплетения веточек, а также большой плакат с Бобом Марли. Этот негр улыбается своей загадочной улыбкой – почти такой же, как у Носорога. Мне не слишком-то нравятся они оба.

Иногда я думаю, что это сон. Игра моего воображения. На самом деле никаких соседей нет. Это просто тени, что с наступлением темноты заползают в дом сквозь щели в заколоченных окнах и бродят из угла в угол, не находя себе места в моём жилище.

Я твёрд. По крайней мере, я буду таким. Я смогу их выгнать. Заставить рассеяться. Теням здесь не место. Этот дом только для меня.

Но они не уходят. А значит, это не сон. И Носорог может в любой момент подойти ко мне и похлопать по плечу: «Как жизнь, папаша?» И улыбнуться. Своей дерзкой и загадочной улыбкой.

Одиночество-терапия потерпела фиаско. Меня окружают люди. Хотя мы почти не общаемся. Но они есть. И их не убрать. И мне не побыть одному. Посмотрим, к чему всё это приведёт.

3

*Иногда твоя собственная память – худшая
из всех существующих пыток.*

Когда мне было шесть лет, к нам в гости приехали тётя с сыном, моим двоюродным братом.

Стояло лето, июль, весь наш городок был усеян тополиным пухом, который плыл и кружился в воздухе как снег и собирался на асфальте возле бордюров извилистыми линиями сугробов. Мы с братом любили их поджигать. Они горели очень быстро, как порох. Раз – и сгорал целый сугроб. Нас это приводило в восторг.

Ещё в садах росли яблоки. Они были зелёные и кислые. Конечно, нам запрещали срывать их, пугая поносом, дизентерией и ещё кучей напастей и бед на наши животы. И, само собой, мы всё равно обдирали все деревья в округе.

Однажды мы с двоюродным братом залезли в чужой сад. Брат взобрался на дерево и принялся трясти его, а я стоял внизу и собирал упавшие яблоки в футболку.

Внезапно сзади раздался окрик. Моё сердце ушло в пятки. Предательский страх едкой кислотой обжёг изнутри, кровь неистово застучала в ушах. Очевидно, это был хозяин сада. Недолго думая, я бросил яблоки вместе с футболкой и дал оттуда дёру. О брате я, само собой, позабыл.

Я бежал минут пять, не оглядываясь, потом упал в высокую придорожную траву, задыхаясь от бега. Жадно глотая воздух, я лежал и смотрел в небо, всё ещё опасаясь того, что меня могут настигнуть. И тут вдруг вспомнил о брате... Ведь он остался там, на дереве...

Страх мгновенно прошёл, сменившись ещё более гадким чувством, от которого появилась резь в глазах. Мне стало жутко стыдно, что я его бросил. Но теперь уже ничего нельзя было изменить.

Я пошёл в сторону дома, повесив голову. Я не знал, что скажу маме и тёте. Мало того, что я потерял футболку, так ещё и предал брата.

Я заплакал от охватившей меня безнадеги. Больше всего на свете мне в тот момент хотелось упасть на землю лицом вниз, обхватить голову руками и умереть. Я растирал слезы кулаками по лицу и думал о смерти.

И тут меня окрикнул брат. Он шёл, улыбаясь, хоть и немного прихрамывая – нога у него была разодрана до крови. В руках он держал мою футболку.

Брат подошёл ко мне и сказал, что всё нормально. Потом увидел, что я плачу, обнял меня и вдруг неожиданно заплакал сам. Он жалел меня. А я проявил малодушие. Мне не хватало твёрдости всегда. Даже в детстве.

В школе меня не замечали, я был самой обычной серой мышью, какие, наверное, найдутся в любом коллективе. Ни-

когда не лез в лидеры и сторонился массовых мероприятий. У меня почти не было друзей. По крайней мере, лучшего друга – уж точно.

Когда я поступил в университет на факультет истории, я думал, что теперь пришла моя пора и наступило то самое время, когда я перекрою свою жизнь. Раскроюсь целиком, так сказать. Явлю миру свои таланты.

Прошло четыре года. Я получил диплом бакалавра, но ничего так и не изменилось. Я остался таким же, каким и был. Серой мышью в тёмном подполе.

У меня были девушки, но мне постоянно мешала моя застенчивость. Даже если у нас начинались более-менее серьёзные отношения, всегда возникала черта, которую я не мог переступить. Не знаю, как это называется, но что-то такое, что вставало передо мной неразрешимой проблемой.

Я потерял девственность только в двадцать два, примерно на треть жизни позже своих ровесников, а это, на мой взгляд, уже о чём-то да говорит.

Моя последняя девушка была лучшей из всех. Я её боготворил. Думал на ней жениться. Мне как-никак уже тридцать один. Мы встречались почти два года. Всё шло хорошо. По крайней мере, так мне казалось.

Три месяца назад мы с ней поехали за город к реке. На электричке добрались до нужной станции, а потом полчаса шли по узкой тропинке вдоль железнодорожной насыпи. Кругом росли кусты раkitника и дикой акации. Она на-

шла побег омелы на большом дереве. Сказала, что это хороший знак. Насколько мне было известно – плохой. Но я ей об этом не сказал.

Вскоре тропинка вильнула от железной дороги в лес, и мы оказались под сенью огромных сосен, закрывавших своими ветвями небо. Моя девушка рвала цветы, а я шёл рядом. Мне нравилось быть с ней наедине. Мне нравился тот солнечный день. Но она была как будто немного грустной.

Тропинка вывела нас к обрыву, с которого открывался вид на речную долину. В том месте русло наискось пересекали скалистые пороги, и река катилась бурно, блестя серебром на стремнине; вдоль берега скапливалась густая мутная пена. Пахло рыбой и водорослями. Посреди реки виднелся островок, на котором возвышались руины старой водяной мельницы.

Мы стояли и смотрели на реку, когда она это сказала. То, что навсегда изменило мою жизнь.

Не знаю, почему она выбрала для этого именно тот день и то место. Может быть, чтобы сделать мне больнее. А, может, и нет. Но всё вышло так, как вышло.

Моё ощущение счастья, которое дарили река и солнце, и эти камни, поросшие мхом – останки мельницы на островке, – рассыпалось рваными фантиками по ветру...

Она сказала, что больше не может быть со мной. Что я витаю в облаках, а ей, наоборот, нужен мужчина, который

будет твёрдо стоять на земле. Ей не нужны воздушные замки. Ей нужна уверенность в завтрашнем дне. А со мной её не будет никогда (она зачем-то выделила это НИ-КОГ-ДА).

Меня словно парализовало. Казалось, что это происходит не со мной, что я просто вижу страшный сон: стоит моргнуть или ущипнуть себя за руку – и он распадётся, разлетится как лёгкий утренний туман, уйдёт прочь навсегда. Но это был не сон.

Вот моя девушка (теперь уже, видимо, бывшая) – стояла передо мной, глядя мне пристально в глаза. Она не говорила гадостей, как это обычно бывает у двух надоевших друг другу людей. Она спокойно и с расстановкой (но это, пожалуй, было ещё хуже гадостей) объяснила мне, что нашим отношениям конец. Что я слишком мягок. Что мне не хватает твёрдости. И что она нашла человека, у которого эта твёрдость есть.

Ощущение – словно весь мир, который был у меня прежде, – из папье-маше, и теперь одним лёгким движением канцелярского ножа от него отрезали здоровенный такой кусок. Кусок, который я безумно любил, всячески холил и лелеял, и с которым связывал все свои надежды...

Назад мы шли молча. Я уже не замечал сосен, не замечал ракитника и акаций. Не видел одуванчиков и зелёной травы. Перед глазами стояла пелена – возможно, от накатывавших время от времени слёз (я тщетно пытался их скрывать),

мир терял очертания, казался размытым, словно смотришь на него сквозь чужие очки с диоптриями, имея при этом нормальное зрение.

В голове практически не было мыслей, только какая-то каша из обрывков фраз, полуистлевших воспоминаний и бесконечного отравляющего существования чувства обиды. Обижался я, само собою, не на девушку, нет, скорее на свою судьбу, регулярно делавшую мне подлянки.

Потом мы вернулись в город и расстались. Разошлись в разные стороны. Она попросила меня пережить это и постараться не звонить ей. Сказала, что так будет лучше нам обоим. Я в это не верил. Внутри меня разлилась холодная пустота.

По дороге домой я купил две бутылки дешёвого вина и пачку сигарет, словно герой дурацкого мелодраматического фильма. Затем напился вдрызг, чего, в общем, никогда до этого не делал.

Но пустота не прошла, оставшись холодным океаном внутри, чьи волны изредка затопляли сознание, едва не лишая рассудка. Я понял, что вся моя предыдущая жизнь была лишь глупой иллюзией, бессмысленной нудной вознёй. И, пожалуй, мне действительно не хватало твёрдости. Моя бывшая девушка была права.

И тогда я решил уехать.

Теперь я здесь. Выполняю свой план. Точнее, выполнял.

До того самого момента, когда появились они – эти люди, которых я не звал.

Зачем я всё это рассказал дневнику? Хороший вопрос. Если честно – не знаю. Может быть, так читателю (если таковой найдётся) удастся лучше понять меня.

4

*Споря с сумасшедшим, недолго свихнуться
и самому.*

Теперь я кое-что знаю о своих соседях.

Ольга, как и я, раньше жила в другом городе и, видимо, тоже бежала от проблем сюда. Ей тридцать три. Она работает официанткой в небольшом кафе недалеко от нашего дома. На днях у неё была зарплата, и она попыталась вручить мне деньги за проживание. Я не взял.

Рустам и Кристина – из этого города. И, как вы уже знаете, они – любовники. Рустам занимается какими-то мутными делами, но главное – иногда приносит деньги. Его деньги я беру.

Кристина в прошлом училась в школе и жила с матерью и отчимом. Как она говорит, предки ей до смерти надоели, и она сбежала с любимым человеком. Это, конечно, глупости. Пусть девчонка и влюбилась по уши, но Рустам... Рано или поздно он её бросит, я так думаю.

Самый странный тип – Носорог. О нём мне до сих пор почти ничего неизвестно. Кроме того, что он постоянно лежит в гамаке, время от времени листает какие-то тетради и рисует в них карандашом. Лишь изредка наш загадочный сосед выходит на улицу и возвращается часа через два-три. Всех

нас он одаривает заговорщицкой улыбкой, которая в последнее время выводит меня из себя. Он по-прежнему называет меня «папашей».

Да, и ещё, Носорог – вегетарианец. Из своих редких вылазок за пределы дома он приносит овощи и фрукты и готовит из них довольно недурственные блюда. Так что у нас есть второй повар.

Вот и всё. Минимум информации за две недели. Практически никакой. Это странно. Иногда начинает казаться, будто этих людей и вовсе не существует, но я понимаю, что это всего лишь самообман, ведь они рядом, я могу до них дотронуться, они ходят мимо меня, иногда задают вопросы, они нарушают мой курс одиночество-терапии...

Впрочем, может, и не так сильно, как могли бы...

Как-то вечером я читаю, сидя в кухне (мы договорились, что в тёмное время суток будем пользоваться электрическим светом только в ней, так как кухонные окна выходят на пустырь, в остальных комнатах жители зажигают свечи), Носорог со своими тетрадами пристроился у стены неподалёку и насвистывает назойливую мелодию песни *Where the Wild Roses Grow*, которую Ник Кейв пел дуэтом с Кайли Миноуг. Это меня отвлекает.

Я отрываюсь от книги и вонзаю гневный взгляд в Носорога, но тот не замечает меня (или делает вид, что не замечает) и продолжает свистеть, глядя в свою тетрадь. Потом вне-

запно поднимает глаза, но смотрит не на меня, а на потолок. Я невольно обращаю свой взор туда же. По потолку ползёт жирная муха.

Носорог застывает, сфокусировавшись на насекомом. Я тоже слежу за ним. Муха ползёт по облупившейся побелке, перебирая лапками и шевеля своими микроскопическими усиками. И вдруг срывается в крутое пике и падает замертво вниз, словно её только что прихлопнули газетой.

Носорог тут же устремляется к месту падения и подцепляет тушку насекомого своими грязно-бурыми пальцами. Подносит к лицу и разглядывает. Продолжая насвистывать порядком надоевшую мелодию. Продолжая мешать мне.

Вдоволь налюбовавшись на поверженную муху (интересно, почему она вдруг свалилась – может, впала в спячку?), Носорог внезапно поворачивается в мою сторону, тем самым повергая меня в смятение, ведь это значит, что он уже давно в курсе, что я за ним наблюдаю.

Он ухмыляется (опять эта заговорщицкая улыбка!) и говорит мне:

– Что, папаша, прихлопнули летучего монстра? – Этот нахальный хиппарь продолжает вертеть насекомое в своих пальцах. – Не очень-то люблю мух, – поясняет он, как будто я его просил об этом, – они, знаешь ли, мешают сконцентрироваться, а значит, воруют энергию. Ну а ты их обожаешь, наверно?

Странный вопрос. Похоже на бред сумасшедшего. При

чём тут мухи и моё отношение к ним? Но Носорог говорит с очень серьёзным видом – похоже, для него это действительно важно. Таких психов я ещё не встречал.

– Мне всё равно, – отвечаю я.

Мухи не вызывают у меня отвращения или жалости. А вот Носорог порядком раздражает. Если на то пошло, то отвлекла меня не муха, а именно он!

– Как же это тебе всё равно? – спрашивает меня Носорог, искренне недоумевая. – Они ведь и твою энергию воруют!

– Ничего они у меня не воруют, – начинаю злиться я. Носорог меня бесит, меня бесит то, что я оказался втянут в эту дурацкую беседу по своей собственной воле, – они вообще воровать не умеют.

– Ещё как умеют, – упирается Носорог. – Впрочем, до некоторых людей им всё равно далеко...

Он легонько дует на муху, и та вдруг расправляет крылья и вырывается из его пальцев. Сделав полукруг над моей головой, насекомое исчезает в недрах нашего дома.

Я понимаю, что спорить бесполезно. Лучше промолчать и вообще прекратить этот бессмысленный разговор. Тем более, мухи уже и след простыл...

Но Носорог не унимается: забыв про свои тетради, он приближается ко мне и смотрит в упор:

– Папаша, ты вообще когда-нибудь задумывался, сколько энергии ежедневно теряешь из-за всякой ерунды? Или тебе плевать? – Он делает картинный вздох. – Хотя да... Вам же

всем на всё наплевать, засели тут и прячетесь от реальности, ну? Разве не так? – Носорог нервно чешется, и это едва не выводит меня из себя. – Я вас тут всех уже давно раскусил. Вы – засранцы, которые не могут устроить собственную жизнь... неудачники, из-за которых этот мир стал кучей дерьма!

Вот так откровение! Сражённый такой прямоотой и наглостью, я не нахожу, что сказать в ответ. А Носорог продолжает:

– Вы думаете, что, сидя в этом богом забытом домишке, сможете чему-нибудь научиться, что-нибудь поменять в своей никчёмной жизни, не так ли? Чёрта с два! Вы ежесекундно теряете энергию, растрачиваясь по пустякам, питая свои глупые иллюзии. – Он продолжает чесаться, этому парню давно пора принять душ. – Спорим, ты хотел жить один, а мы тебе помешали? А? Ну, признайся. Я ведь прав?

И не дожидаясь от меня ответа (который, скорее всего, ему и не нужен), он продолжает:

– От кого ты бежишь? От себя? От своих мелких проблем и неурядиц? Ты думаешь, что, спрятавшись от всех, найдёшь какой-то выход?

Я чувствую, что начинаю закипать. Как ни крути, Носорог попал в точку. В моё больное место. И откуда он только знает всё это? Я хочу ему возразить, но он не даёт мне даже рта раскрыть:

– Самое забавное, что друг перед другом вы делаете вид,

будто у вас всё в порядке, вы – типа вполне нормальные чуваки, которые просто хотят пожить, отгородившись от внешнего мира. Типа это ваша фишка такая. Так ведь?

У меня наконец-то появляется возможность вставить слово:

– Помолчи! Ты ничего не понимаешь. Всё, что ты говоришь, – бред сумасшедшего! – Я выпаливаю это на одном дыхании, считая, что так усмирю пыл Носорога.

Тот действительно замолкает, пристально смотрит на меня, потом вдруг смеётся своим безумным смехом и, глядя мне в глаза, говорит:

– Ладно, папаша, я вижу: ты не хочешь это обсуждать. Это твоё дело. Мне всё равно. Но задумайся: пока вы здесь прячетесь, в мире творится зло, идут войны, умирают люди. А вы? Вы предпочитаете отсиживаться в глубоком тылу, держать свои задницы в тепле... Вы считаете, что ваши проблемы едва ли не вселенского масштаба, но, на самом деле, они – хрень полная. Пустышка. Дырка от бублика. Это даже не проблемы...

Чего-чего, а того, что он будет ещё и учить меня, я никак не ожидал. Этот тип совсем обнаглел.

– Хорошо. А что делаешь ты? – спрашиваю я Носорога, пытаюсь сохранить спокойствие, хотя это и даётся мне с большим трудом. Я начинаю обратный отсчёт. Десять, девять, восемь, семь... – Разве не то же самое?..

– Что делаю я? – Носорог продолжает улыбаться. – Папа-

ша, я просто наблюдаю за вами, как вы тут прячетесь от себя, и мне это смешно. Поверь, если я здесь, это не значит, что я такой же, как ты. У меня свои планы. И сейчас мне нужна энергия. А такие, как ты и эта муха, забирают её у меня. Вот и всё!..

Он сравнил меня с мухой! Этот хиппующий засранец! Я смотрел на него и чувствовал, что, возможно, впервые за всю свою жизнь готов буквально взорваться. Наорать на него или даже ударить.

Но Носорог был настоящим психом, поэтому я даже не удивился внезапной перемене его настроения буквально в следующее мгновение. Этот дерзкий обличитель резко убрал усмешку с лица, взгляд его вдруг сделался приятельским и даже немного сочувствующим, а затем он успокаивающе похлопал меня по плечу и сказал:

– Вообще-то ты мне нравишься, папаша. Просто мне искренне жаль тебя и твой энергетический потенциал – вот и всё. Забудем, окей? – И он спокойно направился к себе в комнату, прихватив свои тетради.

Я слышал, как он забрался в гамак и уже там продолжил насвистывать песню Ника, мать его, Кейва.

А я остался стоять как дурак. Носорог обдурил меня по полной: сначала втянул в идиотскую перепалку, а потом преспокойно свалил, оставив меня с кучей несказанных слов и в совершенно глупом положении. Что я мог теперь сде-

ать? Он разбил меня вчистую.

Читать больше не хотелось. Я стоял и смотрел кругом. Это моё жилище – было моим, по крайней мере – а теперь какой-то сопливый хиппи учит меня жить. И самое обидное, что он почти во всём прав!..

Тут в дверях кухни я увидел Ольгу. Наши взгляды встретились, и, кажется, в её взоре промелькнуло сочувствие. Похоже, она слышала наш с Носорогом разговор. Интересно, что она думает по этому поводу? Ведь это в какой-то мере касалось и её...

Но я, естественно, не стал спрашивать. Ольга же, видимо, не желая смущать меня ещё больше, почти сразу исчезла. Носорог наконец замолк в своей комнате. Моё раздражение внезапно прошло. Я успокоился. Ведь он обычный псих – и всё.

Я вернулся на своё место и взял в руки книгу. Пробежал глазами по неп прочитанной странице, а потом закрыл её. Чёрт с ней. К чёрту космос, к чёрту всё! К чёрту Носорога и его бредовые идеи!

Мне нужно отдохнуть.

5

*Однажды пойдёт дождь, который смоем всё:
и наши победы, и наши поражения. Абсолютно всё...*

Я сижу на крыльце и смотрю, как большая лиловая туча, напоминающая свежий синяк на хмуром лице неба, ползёт в сторону нашего дома, едва не цепляя линию электропередачи. В воздухе чувствуется влага; я вижу ласточек, низко стелющихся в полете над землёй. Я думаю, что дождь был бы сейчас весьма кстати.

Глядя в небо, не замечаю, как рядом подсаживается Ольга. Она тоже смотрит на тучу: там, впереди, уже различима серая пелена дождя, которая свинцовым туманом обволакивает горизонт, размывая очертания предметов, контуры деревьев, домов и машин, несущихся по автостраде вдалеке. Мы молчим.

Первой нарушает тишину она.

– Будет дождь, – говорит Ольга.

– Да, похоже на то, – отвечаю я.

Если честно, я не знаю, о чём с ней говорить. Но, похоже, ломать голову над этим вопросом мне и не придётся – Ольга продолжает сама:

– Мне кажется, мы слишком мало общаемся. И совсем ничего не знаем друг о друге, хотя живём под одной крышей...

Что я могу сказать? Она права. Но ведь, если быть откровенным, я и не звал их сюда, они все сами пришли. Вот пусть и рассказывают...

– Скажем, ты... – говорит Ольга, – ты ведь не отсюда, не из этого города в смысле, ты приехал сюда, потому что там жизнь не ладилась, так ведь?

Только не надо лезть ко мне в душу. Хватит с меня и прошлой беседы с Носорогом. Как будто это я тут – средоточие проблем...

Но она и не собирается этого делать. Ольга сама же отвечает за меня:

– Так, я почти уверена. Но это твоё личное дело. Только твоё. Мы все бежим от чего-то или от кого-то, от своих страхов, своих неудач, от своей прошлой жизни... Я и сама...

Ого! Таких откровений я от неё не ожидал. Жду, что будет дальше.

– ...и сама бегу. Бегу, потому что не могу найти место, где могла бы остаться, остановиться... не могу нащупать точку опоры... Как будто кто-то поместил меня в невесомость и наблюдает, как я в ней барахтаюсь, тщетно пытаюсь зацепиться за что-то, встать на ноги и устоять... – Она несколько секунд молчит (я жду продолжения, смакуя её космическую метафору, которая мне определённо нравится, потому что подходит и к моей жизни), потом осторожно спрашивает: – Извини, я тебя не сильно напрягаю этим разговором?

Я говорю, что нет, не напрягает. Первые тяжёлые капли

дождя падают на землю, прибывая траву и разгоняя насекомых. Резкий порыв ветра доносит мелкую водяную пыль и до нас. Что-то холодное шлёпается мне на шею и скатывается за шиворот.

Ольга ёжится, но не уходит. Она продолжает:

– Когда мне было тринадцать, меня изнасиловал отчим. Я не стала ничего говорить маме, ведь она его любила... я просто похоронила эту тайну глубоко внутри себя, в самых отдалённых уголках своей души. Но он не отстал. После этого я периодически спала с ним. Это было невыносимо, но я терпела. Много плакала, но только не при маме. Не хотела её огорчать. Я всё держала внутри, а это росло, словно раковая опухоль, выжигая душу, делая её чёрствой, превращая сердце в кусок льда. Я ненавидела отчима и ненавидела себя. Считала себя жертвой, но в то же самое время мне казалось, что это моё наказание, моя расплата за какой-то давным-давно позабытый грех...

Ольга легонько вздыхает и продолжает:

– В пятнадцать я не выдержала и ушла из дому. Начала скитаться по улицам. Мне было всё равно. Жизнь больше не представляла для меня какой-либо ценности. Дни проходили, один за другим, похожие и бессмысленные. Я ночевала в подвалах, на вокзалах, я путалась со всеми подряд: с бездомными, с наркоманами и пьяницами, с ментами даже. Через год подседа на героин – он избавлял меня от необходимости думать о чём-либо кроме поиска дозы, глухой стеной

отгородив от всех неурядиц повседневности. Героин отодвинул все мои былые проблемы на второй план. Но лишь для того, чтобы принести новые проблемы. Я просто поменяла шило на мыло. И всё. Теперь у меня была иная реальность, которая по своей мрачности не уступала предыдущей, если даже не превосходила...

В это время дождь начинает молотить со всей силы, обрушивая струи воды на притихший мир. Нас от него спасает только ветхий навес над крыльцом. Ольга немного придвигается ко мне.

– Я торговала своим телом – телом, на которое мне было плевать; я считала его вместилищем порока, а свою жизнь – расплатой за этот порок. Так прошло года два. Я чувствовала, что всё катится в пропасть, но это меня почти не трогало. Слишком далеко я зашла за грань, чтобы возвращаться...

Ливень только усиливается. Капли стучаются о землю, о нижнюю ступеньку крыльца, и брызги отлетают в нашу сторону. Похоже, уходить в дом Ольга не собирается. Ну а мне остаётся только слушать, потому что правила приличия не позволяют мне оборвать её.

– Но нашёлся человек, который вытащил меня оттуда. Он полюбил меня, а я полюбила его. Я смогла завязать с наркотиками и даже забыла прошлое, я была готова начать всё сначала. Если раньше я не видела в жизни перспективы, то

теперь она у меня появилась. Словно тьма, наполнявшая моё предыдущее существование, отступила. Этот человек, который помог мне... он был лучшим мужчиной в моей жизни. Он любил меня без ума. Мы жили вместе два года и собирались пожениться. Я нашла неплохую работу, мой ад закончился...

Я сижу, не шевелясь, словно охотник в засаде, который боится спугнуть добычу. Вставь я сейчас хоть слово – и Ольга может умолкнуть навсегда. А ей надо выговориться, я это чувствую.

– Представляешь, он сделал мне подарок, который вряд ли когда-то получали другие женщины! Однажды весной мы поехали в лес, и он привёл меня на небольшую поляну, заросшую подснежниками, и подарил мне её всю. В смысле поляну. Не один цветочек и даже не букет, а целую поляну! Я о таком и мечтать не могла. Я больше не была жертвой, я была полноценным человеком. Человеком, которого любили. Я была самой счастливой женщиной на земле!..

Ещё один протяжный вздох. Очевидно, и эта история с грустным концом.

– Но судьба опять сыграла со мной злую шутку. У неё в рукаве была припрятана карта, покрыть которую я не смогла даже главным из своих козырей. Видимо, мой ад так и не закончился, и самое тяжёлое было ещё только впереди. За две недели до нашей свадьбы мой жених разбился. Ехал домой на мотоцикле по ночной автостраде и попал в аварию. Так

просто и глупо моё счастье было разрушено. Погребено заживо. Не знаю, как я тогда снова не сорвалась, мысли такие были. Но я не стала возвращаться к героину. Я просто жила дальше – тупо, по инерции, не замечая того, что происходит вокруг, мне было плевать на окружающий мир... Словно в сомнамбулическом состоянии я пропускала мимо себя дни и месяцы...

Так прошёл год. Потом я встретила другого мужчину. И всё снова шло хорошо, но расставание было предсказуемо, оно было спланировано какими-то темными силами, окружавшими меня с детства. Однажды я застала его с другой женщиной. Мы разошлись. Я снова была одна...

Да уж. Кажется, мои проблемы не идут ни в какое сравнение с тем, что постигло Ольгу. По-моему, она собрала все возможные неприятности, какие только могут приключиться с одним отдельно взятым человеком...

– Что дальше? А дальше всё неслось той же сумбурной волной, где крепко сплелись люди, обстоятельства и какие-то неведомые, неподконтрольные мне силы, вставшие над этим всем. Были ещё мужчины, но любые отношения, как и раньше, заканчивались ничем. Меня преследовали одни лишь неудачи. Я вконец убедилась в том, что я – конченный лузер, места которому среди нормальных людей нет. Убежать от себя не представлялось возможным...

Мне минуло тридцать, я поняла, что старею, что очень скоро на меня не посмотрит даже самый последний из мужиков. Я смирилась с этим. И всё же решила уехать. Жить там, где жила до этого, я больше не могла. Слишком много напоминаний о предыдущих провалах, слишком много мерзостей, оставленных за спиной... От моей прошлой жизни меня тошнило, меня тошнило от самой себя. Я просто бежала прочь, меняя один город на другой, пытаюсь вырваться из того порочного круга, в котором просуществовала почти двадцать лет своей жизни. Так и оказалась здесь. – Она вздохнула. – И всё жду того очищающего дождя, что смое с меня эту грязь...

Ольга замолчала. Дождь по-прежнему изливал свои струи с небес, словно слезы. Как будто его проняла эта маленькая исповедь совершенно незнакомого мне человека, с которым по воле обстоятельств я теперь делю кров.

Мне хотелось сказать Ольге что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Да и что я мог сказать, с моим-то опытом? Впрочем, может, ей как раз этого и не было нужно, моих слов. Она просто смотрела вперёд перед собой – на этот дождь, на его серую завесу, которая окутала мир.

Кто мы? Куда и от кого бежим? Неужели нам нигде нельзя остановиться, неужели нет такого места, где каждый будет, в конечном счёте, счастлив и вознаграждён за свои предыдущие неудачи? Множество вопросов внезапно возникло

и взбудоражило меня...

Но ответов на них не было. И хотелось перестать думать, остановить поток мыслей и вместо этого просто смотреть на дождь, на его тугие струи, на эту непрекращающуюся водную вакханалию...

А потом вдруг резко встать и выйти из-под навеса, укравшего крыльцо, под удары свинцовых капель, под порывы резкого холодного ветра, в этот влажный сумрак, и завертеться в бесконечном хороводе дождя, и раствориться в нём, стать прозрачной каплей, и вознестись к небу, и слиться с другими каплями, и стать лиловой тучей, так похожей на синяк, чтобы унести за тысячи километров отсюда – и уже там пролиться очищающим ливнем.

Я почувствовал, как Ольга придвинулась вплотную и положила голову мне на плечо. Я осторожно обнял её. Мы оба бежали ниоткуда никуда. И были так одиноки под этим дождём. словно две звезды где-то на краю Вселенной.

Всё, что рассказала мне Ольга, узнает только мой дневник и больше никто. Это будет нашей общей тайной. И я буду хранить её бережно, очень бережно.

Обещаю.

6

Можно ли считать кого-то безумцем, если сам не до конца уверен в том, что у тебя с котелком всё в порядке?

Несколько дней назад я приглядел одно место на реке – километрах в трёх от нашего дома. Мне показалось, что там можно порыбачить. Почему бы не попробовать – решил я. Нужна только удочка.

А сегодня я, наконец, выбрался в супермаркет, чтобы купить всю необходимую снасть. По дороге туда заодно приобрёл газету в киоске. Чтобы быть в курсе происходящих событий. Интернета у нас ведь нет, а современные гаджеты я так и не освоил. Может, ещё и поэтому моя бывшая девушка считала меня неудачником. Мир менялся, а я не поспевал за ним.

В газете печатали последние новости – я пробежал их глазами, присев на весьма кстати подвернувшуюся скамейку. Ничего действительно стоящего в мире за последний месяц не произошло: политики по-прежнему что-то делили на Ближнем Востоке, курсы валют и акций менялись по абсолютно хаотическому графику, похожему на мазню пятилетнего ребёнка, а копание в грязном белье звёзд шоу-бизнеса меня никогда не интересовало. Единственный вывод,

который я мог сделать по результатам чтения – это то, что человечество медленно, но верно сходит с ума.

Вскоре я выкинул газету, немного сожалея о потраченных деньгах. Может, и хорошо, что я не гонюсь за прогрессом: утонуть в океане бесполезной информации мне только не хватало. Я и так барахтаюсь в этом мире из последних сил.

В магазине я увидел альбиноса, первый раз в жизни. Он был белым, очень белым, я бы даже сказал – пугающе белым, а глаза у него были красноватого оттенка, какие бывают на фотографиях, если они сделаны в помещении с тусклым светом. Альбинос катил перед собой тележку, наполненную продуктами, я обошёл его стороной.

Я задумался о том, каково это – быть не таким, как все. Ощущать на себе пристальное внимание окружающих, все эти косые взгляды и приглушенный шёпот за спиной. Наверняка это трудно. Так жить, я имею в виду.

Почему же тогда мои собственные проблемы кажутся мне такими огромными? Я же не урод и не отщепенец, в отличие от этого парня... Неужели Носорог прав, и я просто надумываю их себе, делаю из мухи слона, так сказать?

Что мешает мне жить спокойно, ведь я – вполне нормальный человек, физически здоровый, достаточно образованный, возможно, даже имеющий определённые перспективы? Откуда во мне эти опустошение и растерянность, пригнавшие меня сюда, откуда этот полный духовный раздрай и бар-

дак?..

За этими мыслями я не замечаю, как врезаюсь своей тележкой в другую. Прямо передо мной застыл толстяк в безрукавке и раздражённо смотрит на меня, это в его тележку я вписался.

Я извиняюсь и иду дальше. Толстяк что-то бормочет вслед. Что-то типа того, что надо смотреть, куда прёшь. Я и так знаю, что надо, но сейчас меня терзают другие, более важные и насущные, мысли. Главная проблема моего бытия.

Выходя из супермаркета, я снова вижу того альбиноса: он стоит у выхода и курит. Его тележка рядом с ним. Он смотрит на меня, и я отвожу глаза. Меня немного смущает то, что я до этого тарасился на него так неприкрыто и он, скорее всего, заметил это.

Придя домой, сталкиваюсь в дверях с Ольгой. Она направляется на работу.

После того, как Ольга открылась мне во время дождя, мы несколько сблизились... по крайней мере, так мне кажется. Моя соседка сообщает, что сегодня вернётся поздно. Я молча киваю в ответ.

Она проходит мимо и спускается по лестнице. Я смотрю ей вслед. Мне кажется, что она мне даже нравится. Как человек... и как женщина.

Ближе к вечеру собираюсь идти на рыбалку, приготовив удочку и наживку. Внезапно Носорог вызывается со мной. Вот уж чего от него не ожидал, так этого.

Нехотя соглашаюсь. Может, он и псих, но нам пока что жить под одной крышей, а для этого надо знать друг о друге больше. Это уж наверняка. Рыбалка – хороший повод выведать что-нибудь об этом выскочке.

Даю ему пустое ведро для будущего улова, и мы выходим из дома.

Я иду впереди, а Носорог, позвякивая ведром, тащится следом, что не мешает ему болтать без умолку. Я слушаю его болтовню как радио в междугородном автобусе – вполуха.

Однако Носорог начинает задавать вопросы:

– Папаша, слушай, вот тебе же по кайфу здесь жить, так ведь? В смысле, типа как отшельник там или вроде того...

Я отвечаю, что это мой осознанный выбор.

– Типа ты взял и добровольно выключился из социального процесса, да? Вроде как вышел из игры?

Я киваю. Он – обычный болтун.

– Знаешь, папаша, а в этом что-то есть. Вот только так ты ничего не добьёшься. Всем ведь плевать на твоё затворничество.

Я говорю, что делаю это, в первую очередь, для себя.

– Для себя? Ну, папаша, вот тут ты вообще мимо цели. Ты же здесь не просто так, ты кому-то что-то хочешь доказать... Правда же?

Я не достаиваю его ответом. Пусть строит домыслы, сколько душе угодно. Правда, он всё ближе и ближе к истине...

Носорог продолжает:

– Кому доказать? Себе? Окружающим? Но это же так нелепо! Уверен, что себе ты никогда ничего не докажешь, потому что для этого совсем не нужно бежать в самый сраный угол на планете... А окружающим просто плевать на твои жалкие потуги... Признайся, ты ведь просто круто в чём-то обломался, так? И теперь пытаешься выставить себя в более выгодном свете... Иначе позиционировать, я бы так сказал... Возвыситься над той жалкой тенью, которой являешься...

Мы проходим мимо гаражей, мимо свалки за ними, сворачиваем в перелесок и забираемся на крутой холм – там, за холмом, течёт река. Я медленно считаю про себя.

Выскочка-сосед бесцеремонно лезет ко мне в душу; мне кажется, осадить его можно только встречным вопросом. Я спрашиваю у Носорога:

– Хорошо. Вот ты такой умный и всезнающий, крайне уверенный в себе молодой человек – почему тогда ты сам здесь? Какие у тебя дела? Ты же считаешь нас неудачниками, так какого чёрта крутишься среди нас?

Но это не обескураживает его. Словно он уже давно подготовил ответ.

– Папаша, вы мне интересны. Вы типа потерянные, ну или

что-то вроде того, люди без смысла, а значит, и без энергии. Мне интересно – каково это, жить без энергии.

– Какой к чёрту энергии?

– Обычной. У каждого человека есть своя энергия. А у вас – нет.

Меня немного забавляет наш бредовый разговор. Вполне в духе Носорога. Главное – набраться терпения. Учтивости наш сосед лишён напрочь.

– И потом, мне сейчас нужны силы, – продолжает Носорог, – много сил, вот я и коплю их здесь. Люди без энергии не могут воздействовать на энергетическое поле других, поэтому среди вас мне лучше всего, я ничего не теряю.

С ума сойти, какие откровения! И где он только набрался всей этой лабуды?

– Ты рассуждаешь как какой-то сектант, – говорю я.

– Сектант? Папаша, ты снова не попал. Два-ноль в мою пользу. Потому что сектанты – это как раз вы, люди без смысла... Во что вы верите? В работу с фиксированным окладом и премиальными надбавками? В своего старшего менеджера и карьерный рост? Или в дорогостоящего психоаналитика, который слушает ваше нытье за ваши же деньги? Может, в пенсионные отчисления и страхование жизни? Или в сетевые супермаркеты и жратву из фастфуда? Возможно, в свою золотую кредитную карту и процентную ставку по ипотеке, а? Ты никогда не думал, что, расплачиваясь кредиткой в супермаркете, ты теряешь свою энергию? – Носорог дела-

ет небольшую паузу, затем продолжает. – Ведь тебя, по сути, не существует, папаша! Есть лишь информация, закодированная на магнитную карту, – и вот, хлоп, и тебя считали! Украли твою энергию. А ты взял и запросто отдал её...

Он формулирует вывод:

– Нет, сектанты – это вы, а ваш бог – Рональд Макдональд или кто-то типа него...

Какая чушь!

– А кто тогда твой бог? – спрашиваю я.

Мне и вправду становится любопытно. Во что верит он сам?

Носорог замолкает. Видно, что он думает. Неужели я всё же загнал его в угол? Но он почти сразу отвечает:

– Как тебе сказать... В смысле, чтобы ты понял. Я верю в равновесие и в то, что наша планета изначально была устроена гармонично, одна энергия уравновешивала другую и наоборот... Но люди всё испортили. Все эти грёбанные ценности общества потребления – они нарушили естественное равновесие, сместили его в сторону материального аспекта, поменяли гармонию на гамбургеры. Породили таких, как ты, – людей без энергии. Людей, для которых счастье – мультимедийная система с экраном на полстены. Так вот я хочу, чтобы всё вновь вернулось к нормальному порядку вещей. Чтобы люди верили в чудо, а не в свою банковскую карту...

Немного обидно, что он так судит обо мне. Как будто это

не я поселился в заброшенном доме, отрёкшись от большинства благ цивилизации...

– А тебе не кажется, что это иллюзия?

– Мне кажется, что иллюзия – это сидеть в тёплом сортире и думать, что твоё дерьмо чем-то отличается от дерьма других... от дерьма вообще... – говорит Носорог и замолкает.

Дальше мы идём в тишине. С вершины холма видно, как река, образуя причудливые изгибы, тёмным шрамом рассекает долину. Её берега заросли камышом и осокой. Вечернее солнце играет бликами на поверхности воды, и кажется, что река наполнена расплавленным золотом.

Добравшись до воды, мы ищем место, где можно расположиться. Пройдя метров двести вдоль берега, находим тихую заводь и останавливаемся там. Я разматываю свою удочку. Носорог садится на большой валун, торчащий из земли.

Я достаю тесто, которое будет моей наживкой, насаживаю маленький комочек на крючок. Краем глаза гляжу на Носорога. Тот сидит, зажмурившись. Не знаю, зачем он вызвался со мной, но ловить рыбу он явно не собирается. Видимо, будет донимать меня своими безумными разговорами.

Забрасываю удочку, слежу за поплавком. Когда тот дёргается, резко рву удилище на себя, подсекаю и вытаскиваю серебристую трепыхающуюся рыбку. Довольно быстро в моём ведёрке оказываются два окуня и три плотвички.

Солнце опускается всё ниже, и тени от деревьев сгущают-

ся. Вечер постепенно сходит на нет. Сумерки ползут к воде, к нам. Улов в ведре прибавляется.

Внезапно Носорог прерывает молчание:

– Папаша, у тебя есть мечта?

– Мечта? – переспрашиваю я.

– Ну да, мечта. У каждого человека есть мечта.

Своим вопросом он ставит меня в тупик. У меня нет мечты.

– У меня нет мечты, – честно говорю ему и гляжу на поплавок. Тот уходит под воду. Я дёргаю удочку и вытаскиваю ёршика, ощерившегося колючими плавниками. – А у тебя у самого есть мечта?

– Есть, – спокойно отвечает Носорог.

– И какая? – мне становится интересно, о чём мечтает этот сумасшедший хиппи.

– Я хочу покончить со всем оружием мира, – с серьёзным видом отвечает Носорог. – Я хочу остановить войны, с помощью которых человечество уничтожает само себя.

Это обычная мечта хиппующего подростка. Я знаю, что такое невозможно. Это естественный порядок вещей, нравятся он кому-то или нет, и один человек не в силах его изменить. Я говорю об этом Носорогу.

Тот смотрит куда-то вдаль – видно, что он думает.

– Нет ничего невозможного, папаша, – говорит он после паузы. – Нужна только Сила, и всё. Нужно достаточное количество энергии.

Опять он со своей энергией. Всё, что говорит Носорог, – это обыкновенный юношеский максимализм. Я-то знаю. И никакая энергия здесь ни при чём.

Но лицо Носорога вдруг делается чересчур серьёзным.

– Ты веришь в магию? – спрашивает он меня.

Я прекрасно знаю, что магии не существует. Всё это пережитки нашего прошлого. Первобытного сознания или чего-то такого. В век интернета они, мягко говоря, не актуальны.

– Нет, – отвечаю я.

– А она существует. – Носорог пристально смотрит на меня. В его взгляде появляется какая-то жёсткость, недобрая такая усмешка. Он похож на ребёнка, который рассказывает взрослым о том, что видел ночных гномиков, но ему никто не верит.

– Никакой магии нет, – спокойно говорю я. – Это вымысел.

– Есть, – упирается Носорог, и глаза его сверкают при этом.

Мне не нравится этот разговор. Но Носорог не собирается его прекращать. Он встаёт со своего валуна и подходит ко мне. Я не знаю, чего от него ожидать.

– Смотри, – говорит он мне и указывает на ведро с пойманной рыбой.

Я смотрю туда, куда указывает Носорог, лишь бы он толь-

ко отстал. Половина рыбин в ведре издохла и плавает кверху брюхом.

Носорог запускает свои грязные руки в ведро и шепчет что-то невнятное, я не могу разобрать. Внезапно наступает гнетущая тишина, в которой раздаётся только его надсадное дыхание и сбивчивый шёпот.

И тут происходит то, во что я бы никогда не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Из ведра слышится всплеск, и дохлые рыбины одна за другой оживают.

Носорог с торжествующим видом смотрит на меня.

– Убедился, папаша? – говорит он мне. – Магия существует.

Я не двигаюсь с места. Это всё довольно странно. Так не бывает. По крайней мере, невозможно с позиций здравого смысла. Если только рыбины действительно были мертвы до того, как к ним прикоснулся Носорог. Может, это какой-нибудь фокус?

Согласно моим представлениям о мире такое просто нереально. Воскрешение из мёртвых, прогулки по воде... Всё это байки и фокусы. Должно быть, Носорог дурит меня. И всё же я своими собственными глазами видел дохлых рыб. И мне точно не померещилось. Я начинаю немного опасаться Носорога. Кто знает, что у него на уме. Но тут он обращается ко мне:

– Что, папаша, не укладывается в твои материалистические концепции, а? – он ухмыляется. – Конечно, ведь этого

не может главный менеджер на твоей грёбаной работе, и этому не научишься за деньги с твоей банковской карты. Но магия существует. И ты только что её видел. Более того, если бы ты хотел и хоть немного напрягал мозги, ты смог бы научиться ей и сам. Но такие, как ты, предпочитают верить в супермаркет, а не в магию. Поэтому у тебя и нет энергии. Нужной энергии. Чтобы заниматься магией.

Я молчу. Мне нечего ему ответить.

– Ладно, я понимаю тебя. Ты шокирован. Ты думаешь, что то, что ты видел, невозможно. Что это какой-то фокус. Ничего не поделаешь – так тебя научили думать. Просто человечество давно утратило это знание. Потеряло ключ к тому шкафу, в котором оно заперто. Выкинуло за ненадобностью. И сильно ошиблось. Магия не исчезла. Она осталась для тех, кто ищет её. Для тех, кто верит, что мир ещё не превратился в Макдоналдс окончательно.

Рыбины в ведре между тем вполне себе бодро плещутся, словно и не было никакого воскрешения... как и смерти до этого.

– То, что я тебе продемонстрировал, – продолжает Носорог, – это ерунда, шутка для новичков, есть куда более сильные заклинания, но я сейчас не могу тратить свою энергию. Она мне ещё пригодится, – он, наконец, замолкает.

Я смотрю на Носорога. То, что он псих полный, – в этом я не сомневался, но что ещё и маг... Нет, в это я поверить не могу. Наверняка есть какое-то рациональное объяснение.

Но мне не хочется спорить. Кажется, именно споры со мной доставляют Носорогу особенное удовольствие...

Между тем смеркается. Носорог берёт ведро с рыбой и смотрит на меня:

– Ты не против?

Я не успеваю ответить, как он выплёскивает весь мой улов в реку. Рыбины тут же уходят на глубину. Рассказывать своим сородичам о свершившемся чуде – не иначе.

– Ладно. Не бери в голову. В мире есть много вещей, которые тебе не понять.

Я сматываю леску, смотрю на пустое ведро, которое Носорог поставил у моих ног. Ерунда какая-то!

– А лишать меня улова – это тоже магия? – саркастически замечаю я.

Носорог смотрит на меня со злой усмешкой:

– Эта рыба не принадлежит нам. Она принадлежит реке. Там ей и место.

Внезапно он придвигается и корчит страшную гримасу, заставляющую меня отшатнуться. Носорог тут же смеётся:

– Не пугайся ты так! Я не собираюсь превращать тебя в камень. И хвост у тебя ни с того ни с сего не вырастет. Пойдём отсюда...

И он идёт вдоль берега в направлении нашего дома. Я беру ведро с удочкой и следую за ним. Я не испугался, я просто обескуражен. И чёрт с ней, с рыбой. Может, она и вправду

вся заколдованная. Съешь её и станешь таким же психом, как Носорог...

Мы идём назад в сгущающейся тьме. Слышен стрёкот кузнечиков, силуэты деревьев во мраке похожи на привидения. Меня терзает мысль: а не сошёл ли я с ума. Носорог бредёт впереди. С кем поведёшься, от того и наберёшься...

Один раз он останавливается, нагибается к земле и достаёт из травы светлячка. Тот мерцает зеленоватым свечением.

– Красиво, да? – спрашивает он меня.

Я киваю.

– Ты оставил нас без ужина, – говорю ему.

– Это ерунда, папаша, – отвечает он. – Пойдём в супермаркет, я всё возьму...

– Ты же против супермаркетов...

– Ага, именно так. Но для чего-то ведь они всё же нужны?..

Мы направляемся в тот супермаркет, где я был с утра. Носорог бродит между продуктовых рядов, изредка останавливается, берёт в руки какой-нибудь товар и внимательно изучает этикетку. А затем возвращает товар на место. В итоге на кассу мы подходим лишь с пачкой печенья, которую взял я. Так и знал, что он меня дурачит.

Выходим из супермаркета и топаем в сторону дома. Плакал наш ужин.

Но тут Носорог принимается доставать из-под своего балахона разные овощи и фрукты, причём в таких количествах, что я бы никогда не подумал, что они вообще могут там поместиться.

– Ещё немного магии, папаша, – подмигивает он мне. – Только здоровое питание, никакой химии!..

Не знаю, может, это действительно какое-то волшебство. В том смысле, что мы же не всё знаем, Вселенная бесконечна, и постичь её целиком просто невозможно. А, может, имело место слишком искусное магазинное воровство. В любом случае сегодня мы будем питаться тем, что надыбал Носорог.

– Не рассказывай остальным неудачникам про то, что я тебе сегодня показал, – вдруг просит меня он, указывая в ту сторону, где расположен наш дом. Очевидно, для Носорога важно оставить свои магические таланты в секрете.

Я киваю. Не расскажу. Да если и расскажу, разве меня после этого не посчитают сумасшедшим?

Машины нас победят!

Иногда я задаю себе вопрос: почему мы все здесь? Что заставило нас покинуть тот мир, в котором мы некогда жили, и приехать сюда? Потому что там мы были несчастны?.. Но ведь и здесь мы по-настоящему не знаем, что такое счастье...

Носорог прав: понятие большинства людей о счастье сводится к банальному обладанию вещами, ковыранию в интернете, просмотру телевизора, походам по магазинам и множеству других вещей, имеющих к настоящему счастью самое отдалённое отношение. По крайней мере, в том мире, за пределами дома. А здесь?

А здесь есть только мы сами...

Чего мы хотим?

Свободы?

Свободы от кого или от чего?

Вот именно!..

Да и вряд ли ты будешь свободен, замкнувшись в своём ограниченном мирке, отгородившись от остального огромного мира, где торжествует несвобода.

Единственное, что я знаю точно – это то, что каждый из нас желает, чтобы его не трогали. То есть оставили в по-

кое. Оставили один на один со своими проблемами. Хотя теперь я и не уверен в том, что это настоящие проблемы. Мне кажется, что всё это – нечто искусственное, убого пластиковое, просто багаж из оставленного нами пластикового мира, который мы по привычке тянем за собой. Носорог смеётся над этим, и, наверное, он прав.

Так чего же всем нам надо?

Не знаю.

Боюсь, что мне не нужно ничего.

Как и многим другим.

Возможно, это болезнь, которая, в конце концов, погубит всё человечество.

Я приехал сюда, чтобы изменить себя. Стать твёрже. Научиться совершать серьёзные поступки. Сейчас я очень сильно сомневаюсь в том, возможно ли этому научиться вообще.

Я – человек без энергии. По крайней мере, так сказал Носорог. Человек, из которого эту энергию выжали ложные ценности.

На днях я видел здание крупного банка во время прогулки по центру города: огромное, стеклянное, прозрачное и холодное. Как лёд. Оно загораживало солнце... мне показалось, что оно ползёт на город как ледник. Ледник, из-за которого все мы вымерем, подобно динозаврам...

Мы живём на окраине мегаполиса. На окраине во всех от-

ношениях. Жизнь выбросила нас на обочину. Но мы пока не отказались от этого мира. Он всё ещё цепко держит нас. Да и можно ли отказаться от того, неотъемлемой частью чего ты являешься?

Меня окружают странные люди, но я начинаю понимать. Они – точные копии меня. Такие же заблудшие овцы, застывшие на краю пропасти, запутавшиеся в своей неопределённости.

Носорог не в счёт. После того, что он мне показал, я не считаю его конченным психом. Скорее философом (назвать его магом мешает моя рациональность, хотя, я уверен, что определёнными способностями он обладает). Но он тоже очень странный тип.

Так вот, мы – люди без цели. Согласно убеждениям Носорога, это всё потому, что те смутные цели, которые радушно предлагает окружающий мир, нам не подходят. Они слишком рафинированные. Мы отказываемся их принимать. Нам становится страшно, когда мы думаем о них. Единственный выход – бежать. И поэтому мы здесь...

Я наконец-то решил поговорить с Кристиной. Ей здесь не место, она должна вернуться к родителям, должна ходить в школу, в конце концов.

Я зашёл к ней в комнату, когда Рустама не было дома. Он вновь где-то пропал. Постучался и, дождавшись робкого ответа, толкнул дверь.

Девушка сидела на подоконнике и смотрела в окно. Я подумал, что она почти не выходит на улицу.

– Привет, – сказал я.

Кристина оторвалась от своих наблюдений и, обернувшись, посмотрела на меня. Её губы тронула тихая улыбка.

– Привет.

Я разговаривал с ней в первый раз. Вот так, один на один в смысле.

Вообще она, конечно, уже не выглядела ребёнком: под вязаным свитером угадывались оформившиеся груди, во взгляде читалась совсем не детская серьёзность. Понятно, что привлекало Рустама. Но мне совсем не нравилось то, что она была несовершеннолетней. К тому же её, наверняка, уже давно искали.

– Я хочу с тобой поговорить.

– Говори, – ещё раз улыбнулась она и опять повернулась к окну.

Похоже, она меня раскусила. Поняла, о чём я хочу поговорить. А я понял, что не знаю, что сказать. Точнее, я осознавал, что НАДО сказать, вот только нужных слов не подворачивалось.

Я попытался собраться с мыслями, но она опередила меня:

– Ты хочешь поговорить о моём пребывании здесь?

– Да, – смутился я, – мне кажется, тебе здесь не место. Ты ведь должна ходить в школу. И потом, у тебя же есть роди-

тели, которые наверняка волнуются...

Она равнодушно пожала плечами, продолжая изучать панораму за окном:

– Не беспокойся, им плевать на меня, если ты об этом.

Её спокойствие меня поразило. Она говорила о родителях как о чужих людях.

– С чего ты взяла?

– Да им всегда было плевать на меня. Я практически уверена, что они думают, будто всё это время я зависаю у какой-нибудь подружки, – Кристина дотронулась до стекла ладошкой. Её ногти были выкрашены в ярко-оранжевый цвет.

Я ощущал перед собой непробиваемую стену. Нет, не таким я представлял себе наш разговор.

– Ну, а школа? Ты ведь должна учиться...

– Это сборище недоумков во главе с занудами-учителями? Я уже и так знаю всё, что мне нужно знать... мне хорошо здесь, и туда я не вернусь!

Что ещё я мог сказать? Мои доводы её явно не убедили. Я попытался прибегнуть к последнему аргументу:

– Послушай, я знаю, ты любишь Рустама, но пойми: он тебе в отцы годится. Ты для него как игрушка... однажды он тебя бросит. Он и так практически не бывает дома, предоставив тебя самой себе...

Кристина наконец оторвалась от окна и вновь уставилась на меня. На этот раз без улыбки. В глазах плясали искры. Кажется, она злилась.

– Ты его совсем не знаешь. Он хороший. И он любит меня.
А я – его.

Что тут скажешь? Что можно сказать влюблённой шестнадцатилетней девчонке, с которой знаком без году неделя? Я понял, что затеял бессмысленный разговор. Возможно, лучше было бы подослать к ней Ольгу: может, у той, как у женщины, лучше получилось бы всё объяснить Кристине.

– Ладно, поступай, как знаешь. Но я прошу тебя об одном: хотя бы позвони родителям. Возьми мой телефон и позвони.

– Я не хочу им звонить, – только и сказала она.

И я понял, что потерпел полное поражение.

– И всё-таки позвони, – сказал я напоследок и поспешил ретироваться.

Кристина отвернулась и продолжала смотреть в окно.

Возвращаясь к себе, я думал о том, что совершил глупость. Не было смысла заводить с ней этот разговор. Говорить нужно с Рустамом...

Хотя кто сказал, что при разговоре с ним всё не выйдет таким же образом?..

Я слишком мягок с людьми. Я – заложник своего характера.

Дверь в комнату Носорога открыта. Сам её обитатель лежит в гамаке и что-то изучает в своих тетрадах. Наверняка это какие-нибудь магические рукописи. Мне всё равно. Лично я пока не освоил даже науку воздействия на окружающих.

Беру книгу о космосе и иду на кухню. Я уже и забыл, когда в последний раз читал. Как там сказал Носорог? Космос – источник магической энергии, кажется? Может, узнав о нём больше, я обрету свою собственную энергию...

Космос действительно представляется мне чем-то магическим. Он за пределами нашего понимания, он – такая машина, которую нам никогда не освоить полностью. Каждую ночь мы поднимаем глаза к небу и смотрим на звёзды, но разве можно отрицать то, что вполне вероятно и обратное – и на самом деле это звёзды сверху смотрят на нас? Может быть, как раз мы находимся под их пристальным взглядом? Думая об этом, я прихожу к выводу, что мы почти ничего не знаем о том мире, в котором живём.

Я читаю где-то с час, может, чуть больше. В конце концов мне надоедает. Точнее, я устаю от такого объёма новой информации. Откладываю книгу и подхожу к турнику. Цепляюсь руками за перекладину и начинаю подтягиваться. Вообще, я могу подтянуться почти двадцать раз, но сегодня делаю двенадцать и думаю, что с меня хватит.

Носорог по-прежнему у себя в гамаке, до меня ему нет никакого дела. И это хорошо, а то его «папаша» уже порядком надоел. Ольга на работе. Кристина в своей комнате и выходить, само собой, не собирается. Тем более после нашего неудачного разговора.

У меня впереди целый свободный день. Я думаю, что бы-

ло бы неплохо прогуляться. Накидываю ветровку и выхожу на улицу.

Сегодня солнечный день, дует лёгкий ветер, в небе много облаков. Все они разной формы. Я вижу облако, похожее на собаку. И облако-корабль, с косою чёрточкой паруса. Я иду в сторону железной дороги.

Дойдя до железки, взбираюсь на насыпь и продолжаю свой путь по ней. Мне всё равно, куда идти. Главное – идти. Я остаюсь один на один с природой и своими мыслями. Правда, иногда мимо проносятся встречные электрички. А один раз – попутная, и мне приходится сойти с насыпи.

Поезд пролетает мимо меня, разрывая тишину громким гудком. Я вижу мелькание окон, в которых тенями проносятся людские головы и лица.

Ещё лето, но уже чувствуется приближение осени. Листья на некоторых деревьях начали желтеть.

Я иду, изредка наклоняясь и подбирая камни с насыпи. Швыряю их в заросли кустов, растущих вдоль железной дороги. Просто так, без какой-либо цели. Пару раз из кустов вспархивают птицы. Я смотрю им вслед. Они часто машут крыльями, рассекая воздух, пока не скрываются в каких-нибудь других зарослях.

Так прохожу километра три. Один раз снова пропускаю электричку. Кто-то выкидывает из открытого окна пустой пластиковый стаканчик. Он падает на насыпь. Я подхожу к нему.

Смятый стаканчик выглядит одиноко и неуместно на разогретом солнцем щебне, из-под которого местами торчат бутоны настырных одуванчиков. Пихаю стаканчик носком ботинка. Это я в бурном океане жизни.

Слева от меня под насыпью начинается небольшое болотце. Я спускаюсь к нему. Берега болотца заросли осокой, на воде зелёная ряска. Метрах в двух от берега на поверхности расплываются два больших мазутных пятна. Я сажусь на старую шпалу, скинутую с насыпи и наполовину засыпанную землёй.

Мимо снова проносится электричка. Я слышу перестук колёс за спиной. Подбираю камень с земли и запускаю его в одно из мазутных пятен. Камень шлёпается ровно посередине импровизированной мишени, образуя небольшой фонтанчик, пятно колыхается, на его поверхности появляется радужный развод. Из зарослей осоки выпрыгивает большая лягушка. Она заползает на торчащую из воды корягу и замирает.

Я беру ещё один камень с насыпи и аккуратно кидаю его в воду рядом с корягой. Раздаётся всплеск, лягушка высоко подпрыгивает и ныряет в грязь у берега, потом снова прыгает и исчезает в траве. По воде идут бурые волны, зелёный ковёр ряски на поверхности болота колыхается.

Мне кажется, что природа намного ближе мне, чем город. Здесь всё естественно: так, как и должно быть, там же – мир иллюзий и наваждений, где мы – всего лишь рабы этих са-

мых иллюзий. Там нам хочется тепла и покоя. Меньше действий. Больше результатов. Решения проблем одним щелчком пальцев. Здесь же, на природе, – тепло и покой во всем.

Мы одиноки среди миксеров и микроволновок. Машины постепенно вытесняют нас. Мы – низшая раса для телевизора. Для холодильника или автомобиля. Для компьютера, в конце концов. Это они управляют нами, а не мы – ими. Почему-то мне вспоминается одна авария, которую я видел в детстве...

Ранним утром мы с родителями ехали на автобусе по шоссе. Начинаясь промозглый осенний день, в воздухе висели капли воды, образующие туманную дымку, в которой терялась дорога, – видимость была плохая. Почти все пассажиры спали.

Я сидел у окна и смотрел на туманное шоссе, пронесившееся мимо, спать не хотелось. Внезапно автобус сбавил скорость, и из дождевого тумана вынырнуло нагромождение машин. Две из них столкнулись лоб в лоб: в итоге одна застыла посреди шоссе, другую отбросило к обочине. В стороне виднелись ещё три машины, съехавшие в кювет.

У той машины, что осталась посреди шоссе, срезало крышу, словно кто-то прошёлся по металлу острым ножом. Из-под обломков торчало обезглавленное тело. Моё сердце невольно сжалось.

Нет, я, как и многие дети, не боялся трупов, но карти-

на была неприятная: искорёженный металл и окровавленная плоть. Голова лежала на асфальте метрах в трёх от места аварии. На лице застыло выражение боли и ужаса. По крайней мере, так мне показалось.

Тогда я решил, что у меня никогда не будет автомобиля. Хотя сейчас и думаю, что это было наивно. Машины всё равно рано или поздно захватят мир и угробят нас. И не важно: на шоссе или на кухне.

Я смотрю на мазутные пятна. Единственный возможный выход для человечества – возвращение в мир природы. В этом я солидарен с Носорогом. Но мне, в отличие от него, трудно отказаться от супермаркета и банковской карточки. Это уже внутри меня. Внутри любого человека без энергии, чёрт побери!..

Стоит признать, я – дитя цивилизации. И те редкие минуты, которые я провожу на природе, нужно ценить.

Поэтому сижу и наслаждаюсь тишиной, изредка нарушаемой шумом пролетающих электричек. Один раз мимо проходит товарняк, он идёт минут пять, я слышу надсадное гудение локомотива и гроыхание вагонов за спиной. А потом снова наступает тишина.

Я балдею так где-то часа полтора. У меня затекает нога. Встаю и разминаю её. Потом швыряю последний камень в болото и поднимаюсь на насыпь. Я возвращаюсь домой.

Ветер усиливается и становится холоднее. Я думаю о том,

сколько ещё пробуду здесь и когда же, наконец, вернусь назад, в свой город.

Внезапно осознаю, что привык к новой жизни и непрощенные соседи почти не напрягают меня. Даже Носорог. Как будто я так и жил всегда: в этом заброшенном доме, рядом с этими странными людьми.

Весь обратный путь только об этом и думаю. И понимаю, что не хочу возвращаться к своей старой жизни. В тот город, который оставил.

По крайней мере, в ближайшее время.

8

Вся наша жизнь – Игра! Без правил...

Вчера Носорог рассказал мне об Игре.

Я сидел на крыльце и вырезал ножом фигурку из деревянного бруска. Надвигались августовские сумерки. С запада дул прохладный ветер. Я сидел и смотрел, как стружка падает на землю, а брусок обретает необходимые черты. Он должен был стать фигуркой индейского шамана.

Носорог появился тихо – так, что я даже вздрогнул. Спокойно, папаша, сказал он и присел рядом. Посмотрел на подготовку у меня в руках, на стружку под ногами.

– Это будет колдун? – спросил он меня.

– Ага. Вроде тебя, – решил я подколоть Носорога.

Тот ничего не ответил. Не оценил шутку. Либо оценил, но решил промолчать.

– Папаша, ты слышал когда-нибудь об Игре? – спросил он меня.

Судя по тому, как Носорог задал вопрос, под Игрой явно подразумевались не футбол, не настольный теннис, не покер и вообще не что-то такое, во что играют обычные люди. Естественно, я ничего подобного никогда не слышал. Ни о какой Игре и ни о какой магии. И вообще обо всём том, на чём повернут мой хиппующий сосед. Я отрицательно по-

качал головой, продолжая орудовать ножом.

– Игра есть основа этого мира, – с важным видом произнёс Носорог, – но Игра начинается тогда, когда в мир является Ящерица.

Всё это, конечно, звучало как бред, но теперь я его, по крайней мере, слушал. Если уж существует магия, почему бы не быть Игре и Ящерице?

Носорог же продолжал:

– Вот ты думаешь, что миром управляют люди: короли там, президенты, шейхи, канцлеры, ещё кто-нибудь – не важно?.. Думаешь, что власть дают деньги и сила? И у кого их больше – тот и главный... – Он сделал паузу, сгрёб всю стружку в одну кучу. – Это не так. Миром правит Ящерица.

На вершину кучки он поместил стружку размером побольше. Я догадался, что это сделано для наглядности. Впрочем, представить себе то, как устроен мир, я мог и без носороговых метафор.

– Ящерица незрима, но она повсюду. Она во всём. Ящерица захватывает мир. – Носорог указал на кучку, которая, как я уже понял, этот мир и символизировала. – Например, поход в супермаркет есть проявление Ящерицы. Или участие в выборах. Или годичный абонемент в фитнес-клуб... Всё это – Ящерица.

Суть Ящерицы есть Голод. Неважно, в чём он заключается. В необходимости принятия пищи или же в покупке видеоприставки. Ящерица питается нашими желаниями. А же-

лания наши крутятся вокруг одного-единственного – потребить как можно больше вещей. Пропустить их через себя, сделать частью своей реальности. Собственно, вся наша реальность и есть вещи...

Люди без энергии, а их большинство, не могут увидеть Ящерицу. Люди, у которых есть немного энергии, тоже не могут увидеть, но могут почувствовать, когда Ящерица рядом. Увидеть Ящерицу могут только сильные маги. Вот они-то и придумали Игру.

Суть Игры заключается в поимке Ящерицы и её убийстве. Но Ящерица хитра и многолика. Потому-то никому пока и не удалось поймать её. Те, кто хватали за хвост, оставались с хвостом в руках, а Ящерица исчезала. Хвост же отрастал вновь.

Ящерица – это офис и штатное расписание, супермаркет и микроволновка, телевидение и интернет, билет на футбольный матч или на концерт любимой группы, фастфуд и выходное пособие, домашний кинотеатр и твоя обеспеченная старость. У неё много облиций. Задача любого мага – Охота на Ящерицу...

Я пока только учусь серьёзной магии, но уже включён в Игру. Собственно говоря, из-за Игры-то я и здесь...

Он аккуратно разрушил кучку, попутно смахнув самую крупную стружку (по всей видимости – Ящерицу) вниз.

– Почему я тебе это рассказываю? – Носорог пристально

посмотрел на меня.

Если честно, я даже не догадывался, зачем мне нужно знать об этой Игре и Ящерице. Хватит с меня и магии, но Носорог продолжил:

– Как я уже говорил, ты мне нравишься, папаша... кроме того, мне кажется, что у тебя есть необходимый потенциал... не сила – именно потенциал, зародыш силы, если можно так выразиться, но для его реализации тебе нужна энергия. В одиночку мне с Ящерицей никогда не справиться, поэтому-то я и решил поработать над тобой. Включить в Игру. Ты согласен?

Таких безумных предложений мне ещё не делали. Десять минут назад ни о какой Игре я и знать не знал, а теперь должен был начать в неё играть... Охотиться на эту Ящерицу... Носорог определённо умел огорошить.

И что я должен был ему ответить в таком случае? Решительно отказаться? Или же на свой страх и риск согласиться?..

Ни тот, ни другой вариант мне не нравились. Я здесь не для этого. И лучше бы Носорогу вообще никогда не задавать мне таких вопросов. Хватит с меня собственных проблем...

И, тем не менее, Носорог ждал ответа. Он внимательно смотрел на меня.

Я решил, что, если уж позволил ему зайти так далеко, будет проще согласиться. Игра, Ящерица... В конце концов,

через пару месяцев я отсюда смогаюсь. И хорошо бы выполнить всё задуманное перед этим...

– Ты сказал, что те, кто охотились на Ящерицу, остались ни с чем. Почему ты думаешь, что у нас должно получиться, если эта Ящерица, или как там её, столь хитра?

Слова Носорога звучали довольно парадоксально, и мне показалось логичным задать этот вопрос прежде, чем я произнесу своё «да».

Тот лишь усмехнулся:

– Всё меняется. В том числе и тот мир, в котором мы живём и который захватила Ящерица. Однажды она станет уязвима...

Вот так просто. Определённо, у Носорога можно было поучиться уверенности в собственных силах. Правда, мне казалось, что эта уверенность зачастую граничит с обыкновенным бахвальством.

– Ладно, я согласен.

Я пожал плечами и продолжил вырезать фигурку. Хотя настроение у меня пропало.

– Правильный выбор, – подмигнул Носорог, – я в тебе не сомневался.

– И что от меня требуется? – спросил его я, откладывая резьбу. На сегодня хватит. А то запорю всю работу.

– Пока что ничего, – ответил он, шмыгнув носом, – когда потребуется, я дам знать.

Носорог поднялся с крыльца и пошёл назад в дом, отку-

да не так давно появился. Я посмотрел на фигурку шамана. Из дерева уже проступали черты готовой работы, но нужно было ещё довести её до ума.

Игра, Ящерица... Реальность всё больше представлялась мне сном. Или чьей-то больной фантазией...

Не знаю, к чему это меня приведёт, но уверен в одном – на один шаг к сумасшедшему дому я уже приблизился. Теперь я участвую в Игре.

9

Если хочешь изменить свою жизнь – просто не мешай жизни изменить тебя.

Сегодня мы с Ольгой и Кристиной едем в парк развлечений, кататься на аттракционах. Это не моя идея. Это предложение Ольги. Но я согласен. Почему бы и нет? Аттракционы так аттракционы.

Ольге даже удалось вытащить Кристину из её комнаты, а это, на мой взгляд, что-то да значит!

Рустама нет уже три дня, и я начинаю подозревать, что на сей раз он смотался с концами. Носорог тоже куда-то исчез с самого утра. Наверное, ловит Ящерицу. Не знаю.

Нужно сказать, что в наших отношениях с Ольгой произошли существенные перемены. Если быть более точным, теперь эти отношения выходят за рамки исключительно соседских.

Несколько ночей назад я услышал, как она тихонько всхлипывает в своём углу. Я спросил, всё ли у неё в порядке и не могу ли я чем-нибудь помочь. На что она молча подошла ко мне и забралась в мой спальник. Ну а что было дальше, думаю, нет смысла рассказывать. Мы – взрослые люди, а у взрослых обычно так и бывает.

Решаем старые проблемы, создавая кучу новых. Впрочем, может, так оно и к лучшему. Мне кто-то нужен, и кто-то нужен ей...

Итак, аттракционы.

Мы втроем идём на остановку общественного транспорта, затем минут двадцать дожидаемся автобуса и, когда он подходит, садимся в него и едем в центр. Ольга с Кристиной плюхаются на свободные сиденья, а я остаюсь стоять, хотя в салоне полно пустующих мест. Мне просто не хочется сидеть. Кроме того я вспоминаю одно своё старое наблюдение, заставляющее сделать не самые утешительные выводы.

Мы слишком часто ищем одобрения общества, пожалуй, чересчур часто. Вот простой пример: ты едешь в автобусе, и единственное свободное место в салоне – рядом с тобой, но никто не спешит его занимать. Казалось бы, радуйся, что едешь в относительном комфорте, не стесняемый ещё одним человеческим телом, ёрзающим по соседству, но через некоторое время тебя начинает донимать навязчивая мысль: почему именно ко мне никто не подсаживается, всё ли со мной в порядке? И эта мысль способна отравить всю дальнейшую поездку. Так что я предпочитаю постоять – во избежание таких вот недоразумений.

Коротая время, разглядываю пассажиров. Мне кажется, что это довольно забавно – смотреть на людей со стороны. Представлять по их внешнему виду, какой у них характер

или род занятий, например. О чём они думают, сосредоточенно разглядывая проносящиеся по ту сторону замызганного стекла городские пейзажи...

Правда, когда кто-нибудь ловит мой взгляд, я отвожу глаза. Всё-таки я – весьма застенчивый.

За окном мелькают дома и машины, по тротуарам неспешно прогуливаются люди. Сегодня солнечно и тепло, хоть лето уже на исходе. Это хороший день для отдыха и развлечений. Я рад, что Ольга предложила покинуть наше жилище.

Ещё я понял, что стал лучше относиться к своим соседям. В первую очередь к Ольге (и даже совсем не из-за нашей с ней связи, скорее, благодаря родственности душ или чему-то такому). А затем и ко всем остальным.

Они ведь тоже люди. Со своими проблемами и несчастьями. Как и я, в общем-то. И по воле рока мы живём под одной крышей.

Теперь мне даже интересно, к чему приведёт этот внезапный кувырок моей судьбы. Одиночество-терапия закончилась, так толком и не начавшись, – приходится это констатировать.

Впрочем, я вполне осознаю, что всё может оказаться лишь ещё одной временной иллюзией из тех, какие мы нарочно создаём себе, дабы окружающий мир не казался полным отстоем. Мне не раз приходилось убеждаться в том, что вера в людей – самое ненадёжное из всех возможных вложений. В большинстве случаев ты прогоришь.

И тем не менее. Я слишком долго жил в иллюзиях, почему бы не предаться ещё одной? Кто знает, вдруг именно за её призрачным туманом скрывается та реальность, которую я так сильно стремлюсь узреть?

«Дай себе шанс, – говорю я. Не будь душным. Попробуй жизнь на вкус. Пусть это будет игрой, которой ты отдашь все силы и непременно победишь. Ну, хотя бы не проиграешь...»

Вот так я настраиваю себя на позитивный лад, пока за окном автобуса проносится большой и безмерно усталый город. Город, повидавший столько людей и судеб, что может только иронически усмехаться вслед. Пускай люди верят в хорошее, что им ещё остаётся? Городу-то прекрасно известно, как обычно бывает. И где заканчивается сказка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.